

Марина Ветрова

ИППОТЕЧНЫЙ ДОГОВОР

Измена мужа.

ТЫ ПОДАРИЛ ЕЙ КВАРТИРУ,
А МНЕ ОСТАВИЛ ДОЛГИ!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Марина Ветрова

**Измена мужа. Ты подарил ей
квартиру, а мне оставил долги!**

«Автор»

2026

Ветрова М.

Измена мужа. Ты подарил ей квартиру, а мне оставил долги! /
М. Ветрова — «Автор», 2026

Банк позвонил мне утром. Оказалось, я поручитель по ипотеке на пятнадцать миллионов. Только кредит я не брала.— Марина, не устраивай истерику! — заявил муж. Дмитрий купил любовнице роскошную квартиру на наши общие деньги, а для оформления использовал мой потерянный паспорт. Теперь Алина наслаждается новой жизнью, а мне достались чужие долги, угрозы увольнения и обвинение в мошенничестве. Но мой муж забыл одну деталь: я финансовый директор нашей компании. И умею находить то, что другие тщательно прячут. Я раскрою каждую поддельную подпись, верну деньги и оставлю предателя ни с чем. А заодно выясню, кто из его могущественных партнёров заказал наше разрушение.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Марина Ветрова

Измена мужа. Ты подарил ей квартиру, а мне оставил долги!

Глава 1

Тишина в нашем кабинете была густой, как мёд. Я любила эту тишину — она пахла свежееобжаренной арабикой и нагретым пластиком клавиатуры ноутбука. За окном Москва гудела своим привычным, далёким басом, но здесь, на верхнем уровне нашего пентхауса в Пресня-Сити, мир был под контролем. Или мне так казалось ещё пять минут назад.

Я провела курсором по последней строке квартального отчёта, сверяя цифры до копейки. CFO не имеет права на ошибку. CFO имеет право только на точность. Дмитрий, мой муж и генеральный директор нашей IT-компании «Вектор», всегда шутил, что я вижу матрицу даже во сне. Он любил мои таблицы. Любил мою дисциплину. Любил то, что я делала его жизнь предсказуемой и безопасной.

Звонок телефона разрезал этот уютный вакуум. Экран показал «Служба безопасности Альфа-Банк». Я ответила, но на просьбе подтвердить личность оборвала разговор и перезвонила через банковское приложение. Оператор перевёл меня в службу безопасности. Обычная осторожность CFO; я ещё мысленно составляла список документов для подтверждения транзакции.

— Добрый день, Марина Сергеевна, — голос на том конце был сухим и официальным. — Мы вынуждены приостановить операцию по переводу средств на сумму четыре миллиона рублей в пользу застройщика ЖК «Панорама». Это доплата по сделке, по которой вы указаны поручителем. Для продолжения проверки необходимо ваше личное обращение в отделение с действующим паспортом.

Моё сердце пропустило удар, а затем забилося в висках глухими ударами молота. Четыре миллиона? Из личных накоплений Дмитрия? Я знала, что он планировал купить акции стартапа конкурентов, но сумма... Сумма была слишком большой для импульсивной сделки. И главное — это были наши деньги. Общий семейный капитал, который я бережно складывала годами, отказывая себе в мелочах ради роста компании.

— Я сейчас проверю, — сказала я ровным голосом, хотя пальцы предательски задрожали. — Откуда эти средства?

— Основной заёмщик — Дмитрий Валентинович Орлов. В пакете есть поручительство от вашего имени и скан-копия паспорта. При повторной проверке обнаружилось, что документ недействителен. Вы подписывали поручительство? Если нет, мы зарегистрируем обращение о возможной подделке и приостановим доплату.

— Не подписывала, — выдавила я. Оператор назвал номер обращения. Я записала его на полях отчёта и только потом закончила звонок. Щелчок. Тишина стала звенящей, режущей уши.

Я открыла архивы на ноутбуке. Пальцы летали по тачпаду быстрее, чем мысли. Полгода назад. Май. Мы возвращались из отпуска в Сочи. В аэропорту Шереметьево у меня украли сумку с документами. Вернее, я потеряла её. А потом Дмитрий сказал, что нашёл паспорт в кармане куртки, которую он забыл в такси. Он тогда улыбнулся своей фирменной, чуть насмешливой улыбкой и сказал: «Мариш, ты всё равно бы его где-нибудь засунула. Я положил в ящик стола, чтобы не мозолил глаза».

К тому времени заявление о потере уже было подано, и я получила новый паспорт. Старый Дмитрий якобы убрал в ящик. Я никогда не проверяла: там лежали чеки, сломанные флешки и прочий хлам. Просто поверила ему. Потому что хотела верить. Потому что он был моим мужем, моим партнёром, человеком, который знал меня лучше всех.

Чувство, похожее на холодную воду, вылилось на спину. Не страх. Пока нет. Сначала было недоумение, смешанное с физическим отвращением. Как можно использовать чужую беспечность? Как можно превратить доверие в инструмент кражи?

Дверь кабинета бесшумно отворилась. На пороге стоял Дмитрий. В руках два бокала красного вина. Его лицо светилось теплотой, которую я обожала. Глубокие морщинки у глаз, лёгкая небритость, которая ему шла. Он выглядел как идеальная картинка из глянцевого журнала про счастливые браки.

— Ты почему такая бледная? — спросил он мягко, подходя ближе. — Опять сводила дебет с кредитом до посинения? Банковские параноики достают?

Он протянул мне бокал. Запах дорогого мерло должен был успокоить, расслабить плечи. Но я видела, как его взгляд скользнул по экрану моего ноутбука. Всего на долю секунды. Но этой доли хватило, чтобы я заметила рефлекторное напряжение в его челюсти. Он не смотрел на мои глаза. Он смотрел на строку поиска, где я случайно оставила открытым окно браузера с запросом «ЖК Панорама отдел продаж».

— Просто проверял контрагента, — солгал он легко, ставя бокалы на стол. — У них там проблемы с документами. Знаешь, такие мелкие строительные конторы... Вечно что-то теряют.

Его рука легла мне на плечо. Тяжёлая, уверенная. Раньше это касание давало ощущение опоры. Сейчас оно ощущалось как цепь.

— Дима, — я не подняла головы, следя, как капли конденсата стекают по стеклу бокала. — Почему банк требует мой оригинальный паспорт для перевода твоих денег?

Дмитрий замер. Пауза затянулась настолько, что стало слышно, как гудит серверная стойка в соседней комнате.

— Что? — переспросил он, и в его голосе впервые прорезалась сталь. — Ты звонила в банк? Без меня? Марин, ты же знаешь правила корпоративной этики. Мы не должны создавать лишние вопросы у партнёров. Это техническая ошибка системы. Или шутка наших коллег из бухгалтерии. Они любят пугать новых сотрудников.

— Это не шутка, Дима. Мне сказали, что если это мошенничество, счёт заморозят.

Я взяла со стола распечатку расчётов, и он резко выхватил её из моей руки. Бумага затрещала.

— Хватит истерить! — повысил он голос, теряя маску благодушия. — Ты всё усложняешь. Я работаю на благо компании, а ты сидишь тут и рыщешь в моих делах, как какая-то шпионка из дешёвых сериалов. Паранойя — плохой советчик для финансового директора.

Он рванул бумагу на себя, пытаясь смять её, чтобы выбросить. Но резкое движение сыграло с ним злую шутку. Листок порвался пополам. Половина упала на ковёр. Вторая осталась в его кулаке.

На обратной стороне листа, среди черновых расчётов, которые я делала ранее, был написан номер телефона. Почерк был не мой. Крупный, угловатый, с характерным наклоном влево. Рядом со словом «Ключи» и датой, которая приходилась на ближайшие выходные.

Я узнала этот почерк. Алина, новый PR-директор, называвшая меня «серой мышкой» и сама державшаяся с амбициями королевы, которая недавно сменила имидж и начала носить платья цвета бордо. Она часто оставляла записки на столе Дмитрия, когда он был в командировке.

Дмитрий посмотрел на разорванный лист. Его лицо изменилось. Стало каменным. Он поднял упавшую половину и медленно сложил куски бумаги вместе, пряча их в карман брюк.

— Это ничего не значит, — произнёс он тихо, и от этой тишины меня бросило в дрожь. — Уходи. Мне нужно поработать.

Я не двинулась. Вместо того чтобы заплакать или закричать, внутри меня включился режим, который я называла «CFO». Эмоции были убраны в отдельную папку. Остались только факты. Факт №1: паспорт использован без ведома. Факт №2: имя Алины связано с квартирой. Факт №3: Дмитрий лжёт, даже когда правда очевидна.

Я развернулась и вышла из кабинета. Не хлопнула дверь. Просто закрыла её аккуратно, щёлкнув замком.

В ванной комнате было холодно. Кафель пола охлаждал пятки, когда я сняла туфли. Я включила душ на полную мощность, чтобы шум воды заглушил стук сердца. Вода лилась на голову, стекала по лицу, смешиваясь со слезами, которые я наконец позволила себе пустить.

Это была не боль предательства в классическом смысле. Это был ужас потери контроля. Наша компания «Вектор» стоила миллионов. Если всплывёт факт использования моих данных для незаконного оформления ипотеки на любовницу, репутация рухнет. Инвесторы уйдут. Клиенты откажутся от контрактов. Я могла потерять всё, что строила десять лет, из-за одного жадного мужчины и одной глупой девушки.

Я прижалась лбом к холодной плитке. Прости, хотел сказать разум. Забудь. Скажи, что ошиблась. Сохрани бизнес.

Выключив воду, я накинула халат. В его кармане пальцы наткнулись на что-то твердое. Визитка. Я достала её. Картонная, матовая, с золотым тиснением. «Алина Воронцова, PR-Director». На обороте, карандашом, моим собственным почерком, была сделана пометка, которую я забыла стереть после планёрки неделю назад: «Для встречи по ипотеке. Обсудить условия залога.»

Тогда я думала, что речь идёт о служебной квартире для топ-менеджера. Теперь слова сложились в совершенно другой, чудовищный смысл. Она знала. Она готовила почву. Это не случайность. Это спланированная операция.

Страх исчез. На его место пришла ярость. Холодная, чистая, кристаллическая. Ярость профессионала, которого обокрали прямо из сейфа, пока он доверял вору.

Глава 2

Я сняла халат и вытерлась полотенцем, чувствуя, как кожа горит от перепада температур. Вернулась в спальню. Свет был выключен. Дмитрий лежал лицом к стене, укрытый одеялом до самых ушей. Его спина дышала ровно. Слишком ровно.

На тумбочке лежал его телефон. Экран тускло светился синим. Он не спал. Ждал.

Я подошла ближе. Шаги заглушал пушистый ковёр. Телефон завибрировал. Раз. Два. Три раза. Звук был тихим, но в ночной тишине он звучал как выстрел.

Дмитрий не шевельнулся. Он делал вид, что крепко спит, надеясь, что я пройду мимо, лягу рядом и буду молчать. Он привык к моему молчанию. Он считал его слабостью.

Я взяла телефон. Руки больше не дрожали. Палец скользнул по экрану, принимая вызов. Громкость была минимальной, но динамик находился прямо у моего уха.

— Дима, — женский голос, молодой, нетерпеливый, с нотками раздражения. — Банк опять дергает. Требуют второй экземпляр подписи для страховки титула. Когда ты привезёшь её? Я хочу въехать в выходные. Мои родители уже едут смотреть ремонт, и мне нужно показать им готовую квартиру, а не стройку.

Голос Алины. Живой. Настоящий. Она говорила о нашей квартире, купленной на наши деньги, как о своём трофее. Она ждала ключей. Она ждала меня.

Я посмотрела на спину мужа. На его расслабленные плечи, на спокойное дыхание человека, который считает, что всё под контролем. Он не слышал. Или делал вид, что не слышит.

— Дима? Ты там? — повторила Алина. — Если сегодня не привезёшь документы, я скажу отцу, что ты тянешь время. И он может передумать давать тебе рекомендации для следующего проекта.

Я не ответила. Медленно, аккуратно завершила вызов и положила телефон обратно на тумбочку. Натянув ночную рубашку, легла на свою сторону кровати. Экран погас, окутав комнату темнотой.

Дмитрий вздохнул во сне, перевернулся на спину и пробормотал что-то неразборчивое. Он думал, что я уснула. Что я приняла его ложь, как принимала раньше. Что я снова стану удобной женой, которая молчит, потому что боится разрушить иллюзию стабильности.

Я смотрела на него, лежащего рядом со мной, и чувствовала, как внутри умирает жена. Та женщина, которая варила кофе по утрам, которая верила в «мы», которая боялась одиночества и ошибок. Она растворилась в темноте, как сахар в кипятке.

На её месте родилась другая. Аудитор. Тот, кто видит цифры не как абстракцию, а как оружие. Тот, кто знает, чей паспорт предъявили банку, чей номер телефона записан на черновике и где находится адрес квартиры, за которую заплатили кровью общего бюджета.

Я не плакала. Я не кричала. Я просто лежала, слушая его ровное дыхание, и в голове уже составлялся план действий. Первый пункт: найм независимого аудитора. Второй: сбор доказательств хищения активов. Третий: юридический раздел имущества с учётом уголовного эпизода.

Он думал, что купил себе свободу. Но он купил себе билет в ад, который я собиралась открыть первой.

Ключи от этой квартиры будут стоить ему всего. Абсолютно всего.

Я не искала правду. Я проводила аудит собственного прошлого, как если бы это был годовой отчет компании с миллиардными убытками.

Мои руки дрожали, когда я выгребала из шкафа старые сумки. Кожа, замша, дешевая синтетика — всё пахло пылью и временем. Полгода назад я потеряла паспорт. Тогда это было просто досадной мелочью, за которую я получила от Дмитрия привычную порцию шуток: «Марина, ты же CFO, а документы теряешь чаще, чем носки». Я написала заявление в поли-

цию, дело закрыли, новый паспорт сделали за две недели. А старый Дмитрий будто бы нашёл и спрятал. В ящике его не оказалось. Он где-то здесь. Или у человека, который уже полгода распоряжается моим именем.

От паники к системности. От слез к таблице. Открыла Excel на ноутбуке. Столбец «Дата», столбец «Событие», столбец «Локация». Из семейного архива перенесла в таблицу даты и сохранённые банковские выписки. 15 марта. Командировка в Казань. 2 апреля. Вечеринка в офисе. 10 мая. Потеря паспорта (официальная). 12 мая. Крупный перевод на счет застройщика ЖК «Панорама».

Цифры складывались в холодный, геометрически безупречный узор предательства.

Звук открывающейся двери вернул меня в реальность. Дмитрий вошел в гостиную, стряхивая снег с пальто. Его взгляд скользнул по мне, по экрану ноутбука, и замер. В воздухе повис резкий, сладковатый аромат. Tom Ford Black Orchid. Я знала этот запах. Алина заказывала его для себя через корпоративный портал три месяца назад, оформляя заявку как «подарок деловому партнеру».

— Ты еще тут сидишь? — голос Дмитрия был ленивым, уверенным. Он прошел мимо меня к барной стойке, налил себе виски. — Параноидальное поведение, Марин. Тебе нужна валерьянка или психолог. Или оба.

Он не спрашивал «что случилось». Он констатировал факт моего помешательства. Так он действовал всегда: превращал мои вопросы в мою истерику, а свою ложь — в мою паранойю. Газлайтинг в чистом виде.

Я молча повернула ноутбук к нему. На экране красовался скриншот банковского перевода. Сумма — двенадцать миллионов рублей. Дата — двенадцатое мая, сразу после потери паспорта. Адрес получателя — ООО «СтройИнвест», проект «Панорама».

Дмитрий даже не моргнул. Он сделал глоток виски, облизнул губы и посмотрел на цифры так, как смотрят на курс доллара в новостях.

— Откуда у тебя этот документ? — спросил он тихо, без удивления и без страха быть пойманным на измене: только интерес к источнику утечки данных. Как СЕО, который боится хакеров, а не муж, которого ловят на измене.

В этот момент что-то щелкнуло внутри меня. Не сердце. Это был звук захлопнувшейся ловушки. Он не боялся, что я узнаю о другой женщине. Он боялся, что я узнаю о деньгах. О том, как именно были украдены наши общие активы.

— Я CFO твоей компании, Дима, — сказала я ровно, чувствуя, как холод разливается по венам вместо тепла любви. — И я финансовый директор нашей семьи. Если ты забыл.

Он отвел глаза, ставя бокал на стол.

— Ложись спать, Марина. Завтра будет сложный совет директоров.

Он ушел в спальню, оставив меня наедине с запахом чужого парфюма и собственным тошнотворным осознанием. Меня начало мутить. Не от алкоголя, который он пил. От близости с ним. Тело отказывалось принимать ложь. Хотелось закричать, броситься на него, царапать лицо. Но я встала, пошла в ванную и включила воду на полную мощность.

Я смывала макияж жесткой мочалкой, пока кожа не стала красной. Смотрела в зеркало, в свои серые от усталости глаза. Повторяла про себя мантру, которая теперь заменяла молитву: «Я не жертва. Я кредитор. Он должен мне деньги, доверие и жизнь».

Дрожащими руками я достала телефон. Выбрала контакт «Дмитрий. Муж». Нажала «Заблокировать». Экран потемнел. Цифровая граница была установлена. Теперь он мог говорить со стеной.

Но стена не отвечала. Ответила Алина.

Глава 3

На следующий вечер, когда тишина в квартире стала невыносимой, я зашла в корпоративный мессенджер под своим рабочим аккаунтом. Там было сообщение от PR-директора. Фотография новой квартиры. Белый мрамор, панорамные окна, вид на Москва-реку. Подпись: «Мечта сбылась! Спасибо Диме за поддержку *эмоджи чокающиеся бокалы*».

Провокация. Она хотела увидеть мою реакцию. Ярость, слезы, угрозы. Всё, что доказало бы её победу над «серой мышью».

Я сделала скриншот. Загрузила его в защищенное облако на сервере юристов, доступ к которому имела только я. Потом набрала ответ. Ни единого лишнего знака. Никаких эмоций.

«Красивый ремонт. Удачи в освоении».

Отправила. И тут же пришло голосовое сообщение. Три секунды. Я включила запись.

Тишина. А потом — смех. Низкий, знакомый, бархатный смех Дмитрия. На фоне слышался звон бокалов и шорох простыней. Этот звук бил по нервам сильнее любого крика. Они были вместе. Прямо сейчас. Пока я сидела в темной гостиной, слушая, как мой муж смеется над моей наивностью, лежа в кровати, купленной на деньги, которые я зарабатывала годами.

Сохранила голосовое в защищенную папку, затем убрала чат с экрана. Руки не дрожали. Впервые за полгода они были абсолютно спокойны. Страх исчез. Осталась только злость, холодная и расчетливая, как зимний ветер.

Той ночью я почти не спала. Смех из голосового стоял перед глазами ровными строками, как колонка цифр, которая никак не сходится: входящее — любовь, исходящее — предательство. Я пересматривала выписки и отмечала даты, пока за окном не посветлело. Утром собрала документы в папку и отправилась на встречу, о которой не знал никто из знакомых Дмитрия.

Кофейня на Никольской была нейтральной территорией. Здесь пахло жженым сахаром и дорогими кожаными портфелями. Сергей сидел напротив, перебирая распечатанные документы. Накануне я позвонила отцу и попросила номер его бывшего коллеги: следователя, который теперь занимался независимым аудитом. Отец хотел приехать. Я попросила пока только телефон. Сергей выглядел так, будто спал два часа в сутки последние десять лет. Глубокие тени под глазами, седые виски, взгляд хирурга, который видит опухоль раньше пациента.

— Одних скриншотов из мессенджера недостаточно, — сказал он, не поднимая глаз. — Если Алина или Дмитрий заявят, что аккаунт был взломан, нам придётся подтверждать источник и подлинность. Суд может их отклонить. Нам нужны оригиналы. Договор ипотеки. Заявка на кредит. Расписки.

— Я не могу получить эти документы напрямую, — ответила я, мешая кофе ложечкой, чтобы занять руки. — Дмитрий заблокировал мне доступ к личным счетам после нашего «разговора».

Сергей поднял глаза. В них не было жалости. Был профессиональный интерес.

— А заявление о потере паспорта?

— Было полгода назад. Дело закрыли. Отсутствие состава преступления.

— Покажи дату подачи заявления.

Я протянула ему копию талона-уведомления. Сергей взял бумагу, поднес ее ближе к свету. Его палец указал на строку: «Дата регистрации обращения: 10 мая». Потом он перевел взгляд на таблицу, которую я составила ночью.

— Десятое мая. Заявление о пропаже. Двенадцатое мая. Двенадцать миллионов застройщику. А теперь банк остановил ещё четыре. Первоначальный взнос внесён давно; сейчас он пытается доплатить.

Тишина между нами стала плотной, как бетон.

— Это не случайность, Марина, — произнес Сергей медленно. — Это алиби для кражи. Он использовал твою потерю, чтобы оформить сделку на себя, но с твоими данными. Чтобы банк видел, что заемщик обеспечен семейным капиталом.

— Он планировал развод заранее, — прошептала я. Осознание накатывало волной. Не импульсивная измена. Долгосрочная стратегия.

— Нам нужно доказать, что файл с паспортом был использован незаконно, — сказал Сергей. — Где хранятся копии документов сотрудников?

— В HR-системе. Доступ ограничен.

— Кто админ?

— Я. Как CFO. Но права на просмотр персональных данных есть у генерального директора и у... отдела кадров.

Сергей усмехнулся. Криво, цинично.

— Алина имеет доступ к кадровому архиву?

— Расширенные права на печать материалов для презентаций. Чтобы не ждать согласований.

Это был ключ.

Мы расстались у выхода из кофейни: Сергей забрал копии, пообещав проверить каждый документ, я оставила себе распечатки и талоны. Остаток дня прошёл как обычный рабочий — совещания, письма, подписи, будто мир не рухнул вчера вечером. Но к вечеру вопросов стало больше, чем ответов, и ждать дальше я не собиралась.

Офис был пуст. Поздно вечером, когда охрана дежурила вяло, а система кондиционирования гудела монотонным басом. Я сидела за своим столом в кабинете CFO. Мониторы мерцали голубым светом.

Я попыталась скачать логи доступа к серверу HR. Система безопасности заблокировала запрос. Требовалась двухфакторная аутентификация. Код приходил на номер Дмитрия.

«Ты забыла пароль?», — писал он мне утром, увидев, что я снова сижу за работой. «Иди домой, Марин. Хватит играть в детектива».

Я не играла. Я работала.

Три года назад, внедряя новую систему защиты, я оставила бэкдор. Маленькую лазейку для экстренных ситуаций, о которой знали только я и мой тогдашний помощник. Помощника уволили. Лазейка осталась. Я считала её технической ошибкой, которую надо было исправить. Теперь она стала моим оружием против мужа.

Я ввела старый мастер-пароль. Экран мигнул. Доступ разрешен.

Я перешла в архив логов. Фильтр: имя пользователя «Алина_Р.» и дата за неделю до сделки.

Список действий. Открытие файла. Печать. Скачивание.

Файл назывался «Марина_Паспорт.pdf».

Я кликнула на детальную историю событий.

10 мая, 14:30. Файл открыт пользователем Алина_Р.

10 мая, 14:35. Файл отправлен на печать. Принтер №4 (общий, этаж 3).

10 мая, 16:00. Файл скачан. IP-адрес...

Я замерла. IP-адрес принадлежал домашней сети Дмитрия. Скачивание шло под учётной записью Алины. Кто сидел за компьютером дома, лог не показывал.

Значит, Алина не просто любовница. Она технический специалист схемы. Она предоставляла доступ. Она знала.

Я пролистала дальше. Записи повторялись. Три раза за неделю. Каждый раз перед тем, как Дмитрий говорил мне, что «забыл» важный документ дома или в офисе. Каждый раз, когда он просил меня «проверить какие-то данные в HR», отвлекая внимание от своих махинаций.

В логах была ещё одна запись. 9 мая, 21:45. Файл открыт. Сессия длилась 12 минут.

Время совпадало. Я помнила тот вечер. Дмитрий вернулся в номер, обнял меня крепко, целовал в шею, пах вином и нежностью. Он шептал, что любит меня больше жизни, что мы справимся со всеми проблемами бизнеса вместе.

В 21:45 он целовал меня, пока Алина открывала мой паспорт. Любовь оказалась просто еще одним вектором передачи данных. Инструментом отвлечения внимания, пока его сообщница копировала мои личные документы.

Где-то внизу здания хлопнула дверь лифта. Шаги охранника приближались к этажу. Сохранила выгрузку журнала вместе с контрольной суммой на флешку, быстро свернула окно, закрыла сессию и стёрла временные файлы. Сердце колотилось так, что боль отдавало в ребра.

Я не жертва обстоятельств. Я игрок с информацией. И теперь у меня были все карты на руках. Оставалось только дожидаться момента, когда можно будет сбросить их на стол.

Глава 4

Монитор мерцал голубоватым светом, превращая таблицу Excel в холодный водопад цифр. Я сидела в своём кабинете CFO, заперев дверь на магнитный замок — привычка, которая раньше раздражала Дмитрия, а теперь стала моим единственным щитом. Пальцы дрожали, когда я набирала пароль для доступа к архивным транзакциям квартального аудита. В голове гудело: скан паспорта, заявка на ипотеку, ЖК «Панорама». Это не случайность. Это приговор.

Дмитрий открыл дверь своим пропуском без стука и вошёл так уверенно, будто магнитный замок поставили исключительно для других. Он пах дорогим парфюмом с нотами табачного дыма и чем-то сладким, чужим. Алина? Нет, он был один, но запах её присутствия вьёлся в его пиджак за день.

— Марин, где EBITDA по третьему сектору? Инвесторы ждут через час, — его голос был бархатным, но в нём пряталась сталь. Он подошёл к столу, нависая надо мной, как скала. — Ты почему не отвечаешь на сообщения?

Я резко закрыла файл, сердце колотилось так, что рёбра болели. Если бы он увидел строки с переводом на счёт застройщика, он бы просто удалил их. Или меня.

— Пароль от локального сервера слетел после обновления антивируса, Дима. Мне нужно пятнадцать минут, чтобы восстановить доступ у системного администратора. Отчёт будет на твоём столе ровно в срок.

Он хмыкнул, скептически подняв бровь.

— Ты всегда была медленной, когда дело касалось технологий. Ладно. Но если инвесторы уйдут из-за твоей «медлительности», ты пожалеешь.

Он вышел, хлопнув дверью. Я выдохнула и тут же достала флешку из кармана жакета. Быстро, пока руки не стали совсем ледяными, я скопировала исходные данные на носитель. Я имела доступ к этим данным по работе, но передавать их за пределы компании без оформления было рискованно. Пока это была моя резервная копия — от его кнопки «Удалить». Моя профессиональная компетентность впервые стала оружием против его эмоционального давления. Я не жертва. Я игрок.

Забрав ноутбук, я ушла в переговорку перепроверять формулы. Через десять минут туда заглянула Алина. Она держала два стаканчика кофе, улыбаясь той улыбкой, от которой у меня сводило челюсти.

— Марина, ты такая серьёзная. Знаешь, быть PR-директором и одновременно искать жильё в этом городе — ад. Но хорошо, что есть «сильный покровитель», который понимает, что комфорт важнее экономии, правда? — она поставила кофе передо мной. На крышке стакана была нарисована маленькая панда. Детский сад.

Внутри меня всё оборвалось. Дата подачи заявки на ипотеку совпадала с тем периодом, когда Алина начала «случайно» оставаться в офисе допоздна. Она знала. Не просто любовница — соучастница. Она получила обещание квартиры за мой же паспорт.

— Убери это, — сказала я тихо, не поднимая глаз. — И выйди. Здесь идёт работа.

Алина вздрогнула, её уверенность треснула. Она забрала кофе и ушла, бросив напоследок взгляд, полный злобы. Провокация подтвердила мою теорию. Теперь у меня были и цифры, и мотив преступления.

Вернувшись к монитору, я попыталась экспортировать данные в PDF для юриста. Экран мигнул красным. Система учёта временно недоступна. Ошибка 404. Точно в тот момент, когда я нажимала кнопку. Совпадение? В нашем бизнесе таких совпадений не бывает. Дмитрий заблокировал удалённый доступ к архиву платежей за прошлый квартал. Он чувствовал опасность.

Я взяла телефон и позвонила системному администратору, который работал в нашей компании ещё до того, как Дмитрий стал СЕО.

— Привет. Это Марина. Нужен ручной доступ к архиву платежей за Q2. Срочно. Для экстренного аудита по запросу налоговой инспекции.

Пауза на том конце провода длилась вечность.

— Дима просил блокировать любые внешние запросы по этому периоду. Говорил, что там ошибка в коде.

— Налоговая не шутит. Если я не предоставлю данные сегодня, компания получит штраф, а ответственность ляжет на тебя как на администратора, который отказал CFO. Ты хочешь этого?

Его молчание говорило само за себя. Авторитет CFO, который Дмитрий недооценивал, считая меня «тихой мышью», сработал. Через пять минут доступ был открыт. Скачала файлы на ту же флешку и спрятала её в лифчик, чувствуя холод металла на коже.

Когда я вернулась в кабинет, Дмитрий уже ждал. Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на Москву. Поворот головы был резким, хищным. Его глаза скользнули по экрану моего ноутбука, где всё ещё висело окно с открытым файлом Excel.

— Почему ты ковыряешься в старых данных вместо подготовки нового отчёта? — спросил он, подходя ближе. Голос стал ниже, угрожающим. — У тебя паранойя? Или пытаешься подставить меня перед советом директоров, выдумывая несуществующие проблемы?

Сердце пропустило удар. Лицо оставалось каменным. Раньше я плакала от таких вопросов; сейчас смотрела, к чему он подводит.

— Я проверяю корректность начисления бонусов сотрудникам IT-отдела, — спокойно ответила я, демонстративно сворачивая окно с транзакциями и открывая чистый лист с безобидными формулами. — Квартальный бонусный фонд должен сходиться с точностью до копейки. Ты же знаешь мои стандарты.

Он хмыкнул, не поверив ни на секунду, но не найдя зацепки. Он видел пустую таблицу. А флешка лежала у меня на груди, горячая и тяжёлая. Газлайтинг не сработал, потому что я уже имела копию данных. Знание давало мне власть.

Обед в корпоративном кафе был пыткой. Мы сидели напротив друг друга, и он ел свой салат, наблюдая за мной. Внезапно он протянул руку через стол и положил ладонь мне на плечо. Жест собственности.

Он сдвинул стул к углу стола.

— Марина, — прошептал он, наклонившись так близко, что я чувствовала его дыхание на щеке. — Хватит копать. Если продолжишь «искать ошибки» в бухгалтерии, я найду способ уволить тебя по собственному желанию. Без выходного пособия. Ты же не хочешь остаться без работы и репутации в тридцать четыре года?

Его пальцы сжались сильнее, впиваясь в ткань моей блузки. Боль была острой, но приятной — доказательством реальности момента. Я медленно, методично сняла его руку со своего плеча и оттолкнула её к краю стола. Посмотрела ему прямо в глаза. Там не было любви. Только страх потери контроля.

— Дмитрий, — произнесла я четко, понизив голос, чтобы никто из соседних столов не услышал. — Любое увольнение CFO без веских оснований повлечёт за собой проверку трудовых договоров и защиту персональных данных. Я знаю статьи закона лучше, чем ты знаешь свои пароли. Попробуй.

Он убрал руку на колени, как будто обжёгся. Впервые он увидел во мне не жену, а врага. Врага, владеющего оружием, которое он сам же мне и дал — должность и знания. Я победила раунд, но война только начиналась.

Дорога домой прошла в тишине. В квартире было пусто, только гул холодильника напоминал о жизни. Я включила рабочий ноутбук, чтобы отправить черновик отчёта инвесторам (как приманку). Экран засветился, и я замерла.

Индикатор Wi-Fi горел синим. Домашняя сеть. Но статус облачного хранилища показывал активную синхронизацию. Папка «Бизнес_Документы_Марина» загружалась в личный аккаунт Дмитрия.

Холод пробежал по позвоночнику. Он следил за мной. Пока я спала, пока я работала, пока я думала, что защищена замками и паролями, он читал мои действия. Каждое открытие файла, каждый поиск в браузере фиксировался в логах, которые он мог просмотреть в любой момент. Дом перестал быть безопасным местом. Стал тюрьмой с прозрачными стенами.

Я выдернула сетевой кабель из роутера и отключила Wi-Fi на ноутбуке. Через телефон сменила пароли своих аккаунтов, а на ноутбуке очистила историю браузера и отключила автозагрузку облаков. Руки тряслись, но мысли стали кристально чистыми. Цифровая гигиена теперь была важнее сна.

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от неизвестного номера, но я узнала стиль сразу. Сухой, лаконичный.

«Сергей. Данные получены. Встреча завтра в 9:00. Кофейня на Патриарших. Приходи одна.»

Это было опасно. Если Дмитрий прочитает уведомления, он поймёт, что я иду к аудитору, независимому от компании. Но текст был достаточно двусмыслен, чтобы можно было оправдаться встречей с «консультантом по налоговому планированию». Риск был огромен. Но без экспертной оценки этих документов я могла проиграть суд ещё до его начала.

Я стёрла уведомление, но сохранила контакт в отдельном, зашифрованном мессенджере. Телефон в руке дрогнул, когда я поняла одну вещь. Вся моя «тихая жизнь», стабильность, уверенность в завтрашнем дне — всё это было иллюзией безопасности, созданной мужем для удобства контроля. Он знал, что я не рискну выйти из тени, потому что боялась потерять то небольшое, что имелось.

Но теперь я сама выбирала степень риска. Я становилась архитектором своей защиты, а не заложницей чужих планов. Это ощущение власти над ситуацией через знание фактов было пьянящим, как первый глоток крепкого алкоголя после долгой голодовки.

Ночь была короткой. Я почти не спала, прокручивая в голове алгоритм действий. Утро началось с ощущения, что мир вокруг стал более острым, детализированным. Каждый звук, каждый цвет воспринимался как потенциальная угроза или ресурс.

Когда я вернулась в квартиру после раннего ухода на встречу (которую пришлось отменить из-за срочного звонка от юриста), я включила ноутбук, изолированный от внешнего мира физическим отключением сети. Экран вспыхнул ярким белым светом.

Пока ноутбук загружался, я открыла на телефоне почту. Там было новое письмо от того же банка, из службы безопасности которого мне звонили. Красная иконка непрочитанного сообщения требовала внимания.

«Дубликат уведомления по вашему обращению: кредит одобрен в мае. Сумма: 15 000 000 руб. Срок: 20 лет. Объект залога: квартира в ЖК «Панорама». Вы указаны поручителем». Ниже — номер договора, который я видела впервые.

Я посмотрела на дату и время отправки. Письмо пришло ночью, пока я спала. А сам договор был майским. Кто-то уже полгода держал на мне это поручительство. Используя мои данные. Используя мой паспорт.

Живот скрутило спазмом ужаса и ярости. Они не просто украли деньги. Они записали меня поручителем по чужой ипотеке. Чтобы в случае развода или банкротства Дмитрия, долги легли на меня. Бронь на двоих в нашем имени оказалась ловушкой, захлопнувшейся на моих запястьях.

Глава 5

Я включила запись на диктофоне, проверила красный огонек и спрятала его в карман халата. Выдохнула. Это не шпионский триллер. Это бухгалтерская сверка с живым человеком. Или попытка таковой.

Дмитрий сидел за кухонным столом, листая ленту новостей в телефоне. Свет от экрана отражался в его очках, делая глаза непроницаемыми черными дырами. Пахло свежесваренным кофе и дорогим парфюмом, который он выбирал сам. В воротнике его рубашки ещё держались чужие духи. Меня мучило; хотелось отодвинуть кружку подальше от его рук.

— Дим, нам нужно срочно закрыть кредитную карту, — начала я ровным голосом, стараясь, чтобы пальцы не дрожали, когда я ставила перед ним кружку. — Я вижу странные списания из личного кабинета банка. Есть подозрение на компрометацию данных.

Он даже не поднял головы. Палец скользнул по экрану, пролистывая мем или новость о стартапе конкурентов.

— Ты снова путаешь роли, Марин. Сейчас ты CFO нашей компании, а не жена, которая боится темных углов. Вечер — время для отдыха, а не для аудитов.

Мне опять отводили роль бухгалтерии. Вопросы жены в неё не входили.

— Это мои личные деньги, Дмитрий. Наши общие деньги.

— Которые мы заработали вместе. И которые я трачу на то, чтобы мы не остались на обочине истории. Но если тебе так тревожно, давай обсудим это завтра на совете директоров. Там есть протоколы. А здесь... здесь просто кухня.

Он наконец посмотрел на меня. Улыбка была мягкой, почти материнской. От этого стало холодно внутри живота.

— Где был мой паспорт полгода назад? — спросила я, чувствуя, как сердце колотится в горле. — Я нашла следы скачивания моего паспорта под учётной записью Алины. Кто дал ей доступ к HR-серверу?

Дмитрий рассмеялся. Тихо, коротко, но этот смех резанул по нервам сильнее крика.

— Детская игра в шпионов, Марина. Алина просто забыла удалить черновик презентации для нового проекта. Она небрежна, это правда. Я уже сделал ей замечание. Представь себе, человек с такой энергией и такими амбициями иногда теряет фокус на деталях. Но это не кража данных. Это человеческая ошибка.

Он достал телефон и повернул экран ко мне. Фотография: Алина смеется, держа в руках бокал шампанского на корпоративе. Красивая, уверенная, сияющая. Щит. Он использовал ее небрежность как щит против моей правоты.

Я впервые увидела, как легко он использует третьих лиц, чтобы размыть свою ответственность. Если виновата она за «неудаление файла», значит, он ни при чем. Гениально. И отвратительно.

— Перевод застройщику ЖК «Панорама». Сумма совпадает с нашим общим фондом резервов. Почему эта транзакция прошла через личный счет? — я перешла к цифрам. Цифры не врут.

Тон Дмитрия изменился мгновенно. Исчезла улыбка, исчезла мягкость. Осталась сталь.

— Это сложное хеджирование рисков компании, Марина. Инструмент, который используют СЕО уровня выше среднего. Ты, как хороший финансовый директор, должна была понимать механику защиты активов, но ты не имеешь права лезть в стратегические решения. Если ты продолжишь задавать вопросы, на которые не знаешь ответов, это будет выглядеть как утечка инсайдерской информации. А это, дорогая моя, основание для увольнения с волчьим билетом.

Угроза карьерой вместо ответа на измену. Он играл грубо, используя мой страх потерять работу как рычаг давления.

Я сжала кулаки под столом. Ногти впились в ладони, боль прояснила мысли.

— Хеджирование оформляется решением совета директоров, подписанным всеми участниками. Протокола нет. Подписи нет. Есть только перевод денег на квартиру, которую ты покупаешь на имя другой женщины.

Дмитрий встал. Медленно. Его движение заняло все пространство кухни. Он обошел стол, и воздух вокруг него будто загустел. Я поднялась, упираясь бедром в столешницу.

— У тебя паранойя, Марина.

Он схватил меня за подбородок. Не сильно, но жестко. Боль была тупой, физической, но главная рана была там, в глазах. Он смотрел сверху вниз, и в этом взгляде не было любви. Был расчет.

— Если ты продолжишь копать эту яму, я выставлю тебя психически нестабильной перед инвесторами. Твой диагноз станет частью их риск-менеджмента. Тебя не возьмут на работу ни в один фонд. Ни в одну компанию. Ты будешь никому не нужна. Кроме меня.

Он всё ещё держал мой подбородок, пока перечислял компании, в которых я будто бы больше никогда не найду работу. Ни одну он не назвал по имени. Ему хватало моей веры. Я почувствовала, как меня душат невидимые руки. Горло свело спазмом, но я не отвела взгляд.

— Нам нужно поговорить спокойно завтра, — прошептала я, пытаюсь высвободиться. Мне нужно было уйти. Нужно было выйти из этой комнаты, пока он не сломал меня окончательно.

— Завтра не существует, — сказал он, развернув меня лицом к себе и перекрывая выход. Он стоял между мной и дверью в гостиную, как стена. — Есть только сегодня. И сейчас. Извинись.

— Что?

— За свои подозрения в адрес любимого мужа. Скажи, что ты была права. Что ты испугалась и начала искать врагов там, где их нет.

Тишина повисла тяжелая, как мокрое одеяло. Я слышала тиканье настенных часов. Каждый удар молота по моему достоинству отдавался эхом в пустоте квартиры.

Он требовал унижения ради сохранения иллюзии нормальности. Чтобы я признала себя сумасшедшей, а его — жертвой непонимания.

— Прости, — слова вырвались сами собой, прежде чем я успела остановить их. Голос дрогнул, но звук был четким. — Я была права. Мне жаль, что я сомневалась в тебе.

Дмитрий отпустил мой подбородок. Его пальцы оставили на коже след, будто клеймо. Он улыбнулся. Той теплой, домашней улыбкой, от которой у меня перехватило дыхание.

— Вот и молодец, — сказал он мягко. — Давай вина. Мы команда против внешнего мира. Помнишь?

Он подошел к бару, взял бутылку красного сухого, которое я любила. Налил два бокала. Стекло звякнуло приятно, мелодично. Он протянул мне бокал.

Он держал бокал за ножку, чтобы мне было удобнее взять. Те же пальцы минуту назад вдавливались в мой подбородок. Я смотрела на них и никак не могла заставить себя протянуть руку.

Я взяла бокал. Рука дрогнула. Красное вино плеснулось на край стекла и капнуло на светлый ворсистый ковёр у наших ног. Темное пятно расплзлось быстро, впитываясь в волокна.

— Прости! — вскрикнула я, рефлексивно, ожидая удара или крика.

Но Дмитрий ничего не сказал. Он молча взял салфетку, присел на корточки и начал промакивать пятно. Его движения были аккуратными, терпеливыми. Как будто он убирал не вино, а остатки моего бунта.

В этот момент на столе зазвонил его телефон. Экран вспыхнул, показывая входящий вызов. Имя на дисплее было крупным, белым шрифтом на синем фоне.

Алина.

Дмитрий не вздрогнул. Не покраснел. Он просто посмотрел на экран, потом на меня, и сбросил звонок.

— Это просто PR-кризис, — сказал он ровно, убирая телефон обратно на стол, но оставляя его экраном вверх. Так, чтобы я видела. Так, чтобы я знала, что он не прячется. — Ничего личного. Работа никогда не заканчивается, помнишь?

Его спокойствие было не уверенностью в правоте, а уверенностью в полной безнаказанности. Наличие «резервного канала» связи с любовницей прямо здесь, в кухне, где он только что ломал меня морально, превращало его ложь в инструмент контроля. Он не прятался от меня. Он демонстрировал мне, что может делать всё, что угодно, и я всё равно буду стоять рядом, извиняясь за пятна на ковре.

Он встал, отряхнул брюки и посмотрел на меня сверху вниз. Глаза его были пустыми, как два колодца без воды.

— Иди спать, Марина. Завтра будет новый день.

Я кивнула. Глотнула вина, которое показалось мне соленым от слез, которых я не позволила себе пролить. Годами он говорил, что любит меня, и требовал прятать любую обиду. И я поняла: он не врёт. Он просто научился любить только своё отражение в чужих глазах, а моё ему больше не нужно было даже для того, чтобы проверить причёску.

Глава 6

Четверг в «Белом шуме» пах пережаренным зерном и дорогим отчаянием. Этот коворкинг в центре Москвы был выбран мной не случайно: здесь царила анонимность толпы, где никто не смотрит на тебя как на жену владельца IT-компании, а видят просто еще одну женщину с ноутбуком и амбициями. Или без них. Мне было всё равно. Главное — тишина и скорость интернета.

Я села за угловой стол у окна, выходящего на шумный проспект, и открыла крышку своего рабочего ноутбука. Пальцы привычно зависли над клавиатурой, но сердце колотилось так, что вибрация отдавалась в кончиках пальцев. Я знала, что делаю глупость. Корпоративная сеть была под контролем Дмитрия. Любое подозрительное соединение, любой запрос к архивам «Панорамы» мог вспыхнуть красным огоньком на его мониторе. Но я уже три дня сидела между домом и офисом, как мышь в ловушке, слушая его ложь про «задержку из-за поставщиков» и чувствуя, как меня медленно душит собственная беспомощность.

— Введите пароль, — прошептала я себе, словно заклинание.

Сервер компании, который должен был быть доступен только топ-менеджменту, отказывался пускать меня. Экран залился белым, затем красным текстом: Доступ запрещен. Известный IP-адрес.

Черт. Дмитрий сменил протоколы безопасности после нашего разговора? Или он просто включил геолокацию и блокировал всё, что выходит за пределы дома или офиса? От злости я стиснула зубы так сильно, что свело скулы. Я не могла потерять эти данные. Черновики аудита, которые я скачала вчера ночью, были неполными. Без транзакций по второму счету застройщика схема выглядела лишь как странное совпадение, а не как доказательство хищения.

Взгляд метнулся к меню Wi-Fi. Сеть «Guest_BelShum». Открытая. Незащищенная. Рискованная до неприличия. Если Дмитрий отслеживал активность через корпоративный логгер на моем ноутбуке (а он обязательно это делал), то подключение к общественной сети могло стать триггером для его параноидальных подозрений. Но альтернативы не было. Я отключила корпоративный VPN, выбрала гостевую сеть и попробовала открыть файл из своей защищенной папки. Он оставался в облаке: локально сохранился только ярлык. Полоска загрузки поползла мучительно медленно. Секунды растягивались в минуты. Я чувствовала себя преступницей, взламывающей сейф под носом у охранника.

В этот момент, когда файл с расширением .xlsx наконец начал открываться, тень упала на мой стол.

Я резко захлопнула крышку ноутбука. Инстинкт самосохранения сработал быстрее мысли. Подняв голову, я увидела мужчину. Высокий, в идеально сидящем сером костюме, который стоил больше, чем моя месячная зарплата пять лет назад. Он не спросил разрешения сесть. Просто придвинул соседний стул, скрипнув ножками по ламинату, и опустился напротив.

Его лицо было мне знакомо. Холодные серые глаза, короткая стрижка, седина на висках, которая добавляла ему веса, а не возраста. Сергей. Бывший следователь по экономическим преступлениям, теперь независимый аудитор, бывший коллега моего отца. Тот человек, который говорил о законах так, будто они были физикой: непреложные, сухие и безжалостные.

Он молча положил передо мной папку. Картонную, с потертостями.

— Три дня пытаюсь передать тебе это, Марина, — сказал он тихо, не повышая голоса. Его тон был таким же ровным, как температура воздуха в помещении.

— Я не ждала вас, — ответила я, чувствуя, как холодок пробежал по спине. — И зачем вы за мной следите?

Сергей усмехнулся. Это была не улыбка поддержки, а оскал хищника, оценившего добычу.

— Четверги здесь — ты сама рассказала на первой встрече. Я пришёл с результатами проверки, о которой ты просила. Открой папку.

Мои пальцы дрожали, когда я расстегивала кнопку на переплете. Внутри лежали распечатанные транзакции. Те, что я пыталась вытащить из заблокированного сервера. Выплаты дивидендов со счетов «Вектора» Дмитрию, рядом — мои переводы в семейный резерв. Затем двенадцать миллионов застройщику, помеченные как взнос за «Панораму». Дата перевода была на два дня позже даты потери паспорта.

— Как... — начала я, и голос сорвался.

— Из твоей выгрузки, — перебил он. — Я связал проводки по номерам платежей. Здесь нет ничего, чего ты мне не передала. Я знаю твои привычки. Четверги вне офиса. Страх перед публичностью. Желание контролировать хаос через таблицы. Я наблюдал за тобой с нашей встречи в кофейне. Ты не жертва, Марина. Ты профессионал, загнанный в угол любительским предательством. И я могу помочь тебе выбраться.

Я закрыла папку и толкнула её обратно к нему.

— Вы не союзник. Вы угроза безопасности данных. Если Дмитрий узнает, что кто-то извне имеет доступ к этим документам, он уничтожит компанию, чтобы замести следы. А вместе с компанией и мою репутацию.

Сергей не двигался. Он смотрел, как я вцепилась в край стола. Костяшки побелели от напряжения.

— Если бы я хотел навредить, я бы уже был у твоего мужа с этими бумагами, — произнес он спокойно, даже скучающе. — Или отправил бы их журналистам. Вместо этого я сижу здесь и предлагаю сделку.

Его циничность обезоружила меня лучше любых слов сочувствия. В его глазах не было жалости, которую я ненавидела в друзьях и родственниках. Только расчет. Только факты.

— Какая сделка? — спросила я, чувствуя, как внутри начинает загораться искра надежды. Не романтической, нет. Юридической.

— Я проведу независимую экспертизу схемы вывода активов. Официально, через мою аудиторскую фирму. Докажу мошенничество в особо крупном размере. Но мне нужен доступ к HR-архиву компании. Там хранятся копии паспортов всех сотрудников, включая Алину. Мне нужно сопоставить время оформления ипотеки с цифровыми следами доступа к базе данных.

Я замерла. HR-архив. Конфиденциальная информация о других людях. Коллегах. Их паспорта, адреса, семейное положение. Чтобы спасти себя, я должна была нарушить закон и приватность невинных людей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.